

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К КРИТИКЕ НЕКОТОРЫХ МЕТОДОВ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1

Развитие современного языкознания характеризуется значительным оживлением интереса к типологическим исследованиям. Как известно, на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло, состоявшемся в августе прошлого года, был прочитан специальный доклад Р. Якобсона «Типологические исследования и их значение для сравнительно-исторического языкознания». Основные положения этого доклада сводятся к следующему:

1. Современное языкознание не может не учитывать значения типологических исследований, поскольку в самых различных языках наблюдаются явления изоморфизма.

2. Генетический метод имеет дело с родством языков, ареальный — с их сходством, а типологический — с изоморфизмом. «В отличие от родства и сходства, — говорит Р. Якобсон, — изоморфизм не включает в себя ни фактора времени, ни фактора пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния языка или две фазы двух различных языков, независимо от того, существуют ли они одновременно или разделены временем, являются ли сравниваемые языки смежными по территории, родственными или не родственными»¹.

3. Основой типологического исследования является не инвентаризация элементов языка, а анализ его системы. Для того чтобы понять систему, недостаточно простого перечисления ее компонентов. Типологическое сравнение различных систем должно учитывать сложную иерархию элементов, образующих систему. Лингвистическая типология, базирующаяся на произвольно выбранных особенностях, не может дать положительных результатов (стр. 5).

4. Типология вскрывает законы импликации, лежащие в основе фонологической и, по-видимому, морфологической структуры языков: присутствие элемента А предполагает присутствие (или, наоборот, отсутствие) элемента В. Таким путем в языках мира выявляются однородности (uniformities) или, как говорят антропологи, близкие однородности (near uniformities).

¹ R. J a k o b s o n, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, «Reports for the Eight International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957, стр. 5 (указания на страницы доклада Р. Якобсона даем дальше в тексте в скобках).

Необходимо поставить вопрос о лингвистических, особенно фонемных, универсалиях. Даже если в каком-нибудь одном языке обнаруживается особенность, ставящая под сомнение существование какого-либо типологического закона, — это не обесценивает общего вывода, сделанного на материале значительного количества языков, изученных ранее (стр. 6). Р. Якобсон приводит далее некоторые примеры константных явлений. Есть языки, в которых отсутствуют слоги с начальными гласными или слоги с конечными согласными, но нет языков, лишенных слогов с начальными согласными или слогов с конечными гласными. Есть языки, в которых нет фрикативных согласных, но нет языков, лишенных смычных согласных. Нет языков, имеющих противопоставление смычных и аффрикат (например, [t]—[c]), но не имеющих фрикативных (например, [s]). Нет языков с округленными гласными переднего ряда, но лишенных округленных гласных заднего ряда (стр. 7).

5. Типологические исследования дают возможность установить, какие пути развития языка (если исходить из данной синхронной системы) могут быть весьма вероятными, какие являются менее вероятными, а какие вообще невозможными. Противоречие между реконструированным состоянием языка и общими законами, вскрываемыми при помощи типологических исследований, ставит под сомнение правильность реконструкций.

Следует отметить, что доклад Р. Якобсона, к сожалению, не дает читателю представления о том, каким путем устанавливаются в языках общие закономерности, как осуществляется этот строжайший учет иерархического подчинения одних компонентов системы языка другим компонентам и т. п. Конкретный метод исследования и система доказательств выдвигаемых положений остаются без объяснения.

Очевидно, для получения ответа на данный вопрос нужно обратиться к другим работам этого ученого. Метод исследования и система доказательств могут быть легко установлены, если учесть, что содержание доклада Р. Якобсона на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло является непосредственным продолжением содержания его статьи «Язык детей, афазия и общие звуковые законы»¹. Р. Якобсон в указанной статье пытается доказать, что в развитии звуков различных языков есть определенная последовательность. Эта последовательность совпадает с последовательностью усвоения ребенком звуков речи.

Попытаемся ознакомиться с аргументацией Р. Якобсона, применяемой им для подтверждения этого основного тезиса. «В качестве первой гласной в речи ребенка, — пишет он, — обычно выступает гласный *a*, тогда как губной смычный *p*, ртовый или носовой звук выступают в роли первого противопоставления этого гласного (примерно *papa* — *tata*). Затем следует противопоставление губных или зубных (примерно *papa* — *tata* и *tata* — *nana*). «Если мы обратимся теперь к живым языкам земного шара, то заметим, что эти два противопоставления образуют так называемый минимальный консонантизм. Это единственные звуки, которые не могут отсутствовать в языках мира» (стр. 34).

Далее в речи ребенка, говорит Р. Якобсон, появляется первое вокалическое противопоставление. Широкий гласный противопоставляется узкому, например *papa* — *pipi*; на следующем этапе происходит расщепление узкого гласного на палатальный и велярный: *papa* — *pipi*, *pu**pi*, или появляется третья, средняя степень раскрытия рта, например *papa*, *pipi*,

¹ См. R. Jakobson, *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze*, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar», Uppsala — Leipzig, 1942 («Uppsala universitets årsskrift», 1942, 9). Указания на страницы этой статьи даем дальше в тексте в скобках.

пере. Каждый из этих двух процессов ведет к созданию системы трех гласных, составляющих минимальный вокализм. Первая разновидность этого минимального вокализма, так называемый «основной треугольник», встречается в детском языке, а часто также и в народных языках (Völkersprachen). В качестве примера Р. Якобсон приводит персидский и арабский языки. Другой разновидностью этого вокализма является так называемый линейный вокализм. Степень раскрытия рта в таких случаях является обусловленной (*relevant*). Гласные, произносимые с одинаковым раскрытием рта, или представляют чисто факультативные, лишённые значения варианты, или определяются качеством соседних звуков. Так, например, Р. Якобсон сообщает, что одна чешская девочка в возрасте года последовательно произносила звуки *о* и *и* после губных и соответственно звуки *е*, *і* после зубных согласных (стр. 35 и 36). Ссылаясь на Трубецкого, Якобсон находит параллель этого явления в языках Западного Кавказа, где выбор между гласными одинакового раскрытия всецело зависит от качества соседнего согласного.

После того как дети усваивают этот минимальный вокализм и консонантизм, они начинают усваивать другие звуки. По утверждению Р. Якобсона, обнаруживается удивительно точное соответствие между временной последовательностью этих приобретений звуков и всеобщими законами одностороннего фундирования (т. е. необходимого связывания двух элементов), характерными для синхронного состояния всех языков. Так, например, усвоение щелевых звуков предполагает в языке детей усвоение смычных. Первые, т. е. щелевые, в языках мира могут отсутствовать, но нет языка, в котором отсутствовали бы смычные (стр. 37).

Усвоение согласных заднего ряда предполагает усвоение детьми согласных переднего ряда. Существование согласных заднего ряда в языках мира сопровождается наличием согласных переднего ряда (стр. 39). Географическое распространение носовых гласных относительно ограничено, и эти фонемы соответственно появляются у французских и польских детей только после усвоения других гласных, большей частью на третьем году жизни, тогда как носовые согласные существуют во всех языках мира и раньше всего усваиваются детьми (стр. 43—44).

Число языков, в которых наличествует только один плавный (*l* или *r*), необычайно велико. По мнению Якобсона, Бенвенист справедливо указывает в этой связи на тот факт, что ребенок долгое время довольствуется одним плавным и приобретает другой плавный в числе самых последних звуков (стр. 44). Наиболее устойчивыми в языках мира оказываются те звуки, которые раньше всего усваиваются детьми в процессе обучения речи, и, наоборот, более редкими и менее устойчивыми являются звуки, труднее усваиваемые детьми. Звуки, усваиваемые в последнюю очередь, оказываются наименее распространенными в языках мира. В случае патологических нарушений речи исчезновение звуков происходит в обратной последовательности. Исчезает раньше всего то, что позже приобретается.

Вторичная ценность (*ein sekundärer Wert*) в языке не может существовать без ценности первичной (*ein primärer Wert*). Первичная ценность не может исчезнуть из системы языка без утраты вторичной ценности (стр. 45). В явлениях прироста и утраты элементов любого языка прослеживается одинаковая иерархия ценностей. Законы так называемого одностороннего фундирования определяют состав фонем вообще, а также относительную интенсивность их употребления (стр. 44). Они являются панхроническими и сохраняют свое значение для каждого состояния языка (стр. 45). Эти законы свидетельствуют о ступенчатом строении системы языка (в особенности системы фонем), доказывают их всеобщность и постоянство иерархического распределения (*Konstanz der Rangordnung*) (стр. 50 и 51).

После изложения этой системы доказательств становится совершенно ясным, каким путем выведены общие типологические закономерности, приводимые Р. Якобсоном в качестве примеров в его докладе на VIII лингвистическом конгрессе. Р. Якобсон по существу привел в докладе те же примеры, какие он приводил в указанной статье «Детский язык, афазия и общие звуковые законы», что может быть легко доказано простым сопоставлением соответствующих мест. В докладе говорится: «Есть языки, лишенные фрикативных, но нет языков, где бы отсутствовали смычные» (стр. 7). В статье об этом же сказано на стр. 37, 38. В докладе говорится: «Нет языков, где бы существовало противопоставление смычных и аффрикат, например [t] и [c], но отсутствовали бы при этом фрикативные» (стр. 7). О том же самом сказано в его статье на стр. 42. В этой статье Р. Якобсон говорит о том, что дети не различают округленных гласных по степени открытости, пока это противопоставление отсутствует у неокругленных гласных, т. е. пара *и* — *о* не может предшествовать паре *і* — *е* (стр. 43). В докладе это же явление уже формулируется как типологическая константа: «Нет языков, в которых существовали бы округленные гласные переднего ряда, но отсутствовали бы округленные гласные заднего ряда» (стр. 7).

Используя некоторые закономерности, наблюдаемые в процессе усвоения звуков речи детьми, Р. Якобсон строит общую схему последовательного усвоения звуков речи детьми всех народов. Различные категории звуков в звуковой системе каждого языка накладываются последовательно друг на друга, составляя компоненты звуковой системы, находящиеся в строгом иерархическом подчинении. Эта система, по утверждению Якобсона, и определяет все изменения звуков. Ничто в языке не может возникнуть раньше, чем возникает что-либо другое, исторически ему предшествующее. Точно так же ничто в языке не исчезает, прежде чем исчезнет что-то другое, поскольку, как уже говорилось, люди, страдающие различными расстройствами речи, раньше начинают утрачивать те звуки, которые детьми усваиваются позднее.

Всякая панхроническая закономерность, естественно, должна быть доказана. Она должна быть доказана на материалах огромного количества различных языков. Необходимо тщательно проверить, действительно ли в процессах изменения звуков, происходивших в истории различных языков, наблюдается такого рода ступенчатость. У Якобсона фактически такой проверки нет. Все доказательство строится на сведениях, полученных из вторых рук (показания врачей, психологов), или на разрозненных примерах, характеризующих синхронное состояние некоторых современных языков, т. е. на данных, не имеющих к истории конкретных языков никакого отношения. Здесь попросту самим Р. Якобсоном создана определенная схема и механически пересажена на все языки мира. Строжайший учет иерархического подчинения элементов системы конкретного языка фактически подменен учетом иерархии компонентов им самим сконструированной системы. Отсюда становится совершенно понятным положение Р. Якобсона о том, что изоморфизм не включает в себя понятия пространства и времени, что он может объединять состояния одного языка или два периода двух разных языков, независимо от того, родственны они или не родственны, разобщены временем или существуют одновременно. Все это объясняется тем, что метод доказательства у Р. Якобсона антиисторичен по своей сущности.

Р. Якобсон пытается сопоставить совершенно несопоставимые явления. Почему постепенно совершенствующиеся органы речи ребенка и развитые органы речи взрослого человека должны быть причиной каких-то совершенно одинаковых закономерностей в процессе усвоения или со-

здания звуков речи, или почему человек, обладающий нормальным развитием органов речи, с течением времени должен утрачивать некоторые звуки своего языка в такой же последовательности, как это делает человек, у которого нарушены какие-то речевые центры?

7. Отметим, что в докладе Р. Якобсона есть некоторые примеры, не связанные с его статьей «Язык детей, афазия и общие звуковые законы», но эти примеры лишь свидетельствуют об отсутствии стройности его концепции и находятся в противоречии с его методологическими установками, целиком вытекающими из основного содержания упомянутой статьи. Все эти соображения заставляют нас сомневаться в правильности выводов, сделанных Р. Якобсоном в рассматриваемой статье, а также в его докладе на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло.

2

Результаты наблюдений над общими явлениями развития звуков и грамматических форм в различных языках мира, полученные учеными на основе применения сравнительно-исторического метода, неизбежно заставляют прийти только к одному выводу: типологические исследования должны быть необходимым продолжением сравнительно-исторических исследований, их естественным синтезом.

Нельзя сказать, что этот тезис является каким-то откровением в лингвистической науке. Сущность его прекрасно изложил в свое время А. Мейе. «Все лингвисты, — замечает он, — которым приходилось заниматься рассмотрением фонетических изменений и устанавливать регулярные соответствия между разными языками, замечали, что изменения эти следуют каким-то общим типам. Некоторые типы изменений встречаются очень часто. Например, взрывные согласные, обычно называемые задненёбными, подвержены палатализации, когда предшествуют передненёбным звукам: полугласному $\tilde{i}$, гласным i , e и даже передвинутому в передний ряд a . Мы отмечаем это явление (т. е. переход $k, g > k', g'$) в таком, например, французском слове, как *qui* „который“, где первый согласный звучит иначе, чем в *soi* „себя“. Палатализованные k' и g' в дальнейшем могут перейти в аффрикаты $tʃ, dʒ$ ($\tilde{c}, \tilde{j}$) или ts (c), dz , а аффрикаты могут упроститься в спиранты $ʃ, ʒ$ и s, z . Так, лат. *cinere(m)* дало франц. *cendre* „зола“, а лат. *carbōne[m]* > франц. *charbon* „уголь“. Подобные изменения встречаются чуть ли не во всем мире, в языках самых различных семей”¹.

А. Мейе утверждает, таким образом, что закономерность изменений устанавливается в процессе изучения конкретных языков, что в этом смысле не существует никаких универсалий, констант и т. д. При этом А. Мейе совершенно определенно имеет в виду типы изменений, которые встречаются чуть ли не во всех языках мира. Он замечает, что в морфологии правила не так строги, как в фонетике, но морфология, как и фонетика, развивается по общим формулам². В качестве примера таких изменений А. Мейе указывает на закономерное сокращение флексии в индоевропейских языках в области имени и стремление к сохранению глагольной флексии. Те же в сущности процессы имели место в семитских языках. И в данном случае Мейе имеет в виду типы изменений, общие формулы развития, устанавливаемые в процессе изучения истории конкретных языков.

Перефразируя А. Мейе, мы могли бы основную задачу типологических исследований сформулировать следующим образом: типологические исследования имеют своей основной целью выявление в различных язы-

¹ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 74, 75.

² См. там же, стр. 79.

ках общих типов изменений в области фонетики и морфологии, синтаксиса и развития значений.

Приведем несколько наиболее наглядных примеров, иллюстрирующих типы изменений звуков.

Начальное *j* во многих языках мира превращалось с течением времени в *dž* или *ž*. Ср. лат. *jugum* «ярмо», но итал. *giogo* [džiogo]; др.-индийск. *javan* «молодой», но тадж. *dživon*; турецк. *jol* «путь», но кирг. *džol* и т. д.

Звук *z* в интервокальном положении и как согласный, замыкающий слог, во многих языках превращался в *r*. Ср.: татар. *qazan* «котел», но чуваш. *xıran*; лат. *genus* «род», но род. падеж ед. числа *generis* (из *genesis*); гот. *maiza* «больше», но др.-сканд. *meire*, др.-англ. *māra*, др.-сакс., др.-в.-нем. *mēro*; гот. *dags* «день», но др.-сканд. *dagr* (из *dagaz*).

Звук *l* в истории различных языков нередко превращался в *r*. Ср.: др.-инд. *rōate* «светит», авест. *raoah* «свет», но др.-арм. *lois*, лат. *lux*; лат. *filum* «нить», но рум. *fir*; груз. *dzaṭli* «собака», но мпигр. *džogori*.

В истории ряда языков начальное древнее *s* превращалось в *h*. Ср.: татар. *sat* «продай», но башк. *hat*; лат. *serpo* «ползу», но др.-греч. *herpo*; литов. *senas* «старый», лат. *senex* «старик», но авест. *hano* «старый», арм. *hin*; халха-монг. *sar* «луна», но бурят. *hara* и т. д.

Безлассный *l* в конце закрытого слога в истории многих языков превращалось в *ц* (в ряде случаев в *v*). Ср.: коми-зырян. *kiv* «язык» из *kil*, ср. также удм. *kil*; в некоторых севернорусских говорах *воцк* вместо литературного *волк*; укр. *дав* «дал», *бив* «бил», *добвати* «долбить». Аналогичный процесс имел место в истории сербского языка. Ср. серб. *вуц* «волк», *пук* «полк»; голл. *koud* «холодный» (произн. [kout]), *oud* «старый» (произн. [out]); ср. нем. *kalt*, *alt*; эрзя-морд. *с'оков* «соловей», но в некоторых диалектах *с'окол*¹. Аналогичное явление засвидетельствовано в некоторых диалектах древнегреческого и чувашского языков, например: в греческих диалектах *ausos* «роща», но литерат. греч. *alsos*; чуваш. *ылтан* «золото», но в говоре дер. Багуйлово Козловского р-на Чуваш. АССР *автин* и т. д.²

Безлассный *q* с течением времени может превратиться в *x*. Ср., например, в некоторых монгольских языках и диалектах: могор. *qola* «далеко», но дагур. *xola*, монг. *xulo*, калм. *xol*³; тув. *xar* «снег», но татар. *qar*; чуваш. *xıra* «черный», но татар. *qara*; селькуп. *qəli* «рыба», ненец. *xal'a*; селькуп. *qā* «береза», но ненец. *ho* и т. д. Известны также многочисленные случаи превращения первоначального *č* в *s*, конечного *m* в *n*, сочетаний «гласный + *n*» или «гласный + *m*» в носовые гласные, сочетаний *k'i* в *ei*, *k'e* в *je* и т. д. В связи с этим возникает вполне законный вопрос, в какой мере эти общие типы изменений могут быть использованы при изучении конкретных языков.

Наблюдения показывают, что эти общие типы изменений звуков, или типовые линии развития (как мы их будем называть в дальнейшем), облегают разными свойствами. Для историка, по нашему мнению, наибольший интерес представляют однонаправленные типовые линии, т. е. когда изменение звука идет только в одном направлении. Особенно показательными примерами однонаправленных изменений являются такие случаи, как превращение группы «гласный + *n*» или «гласный + *m*» в носовой гласный или изменение групп *k'i*, *k'e* в *ei*, *je*. История языков не знает

¹ См. Н. Раасонен, *Mordvinische Lautlehre*, Helsingfors, 1903, стр. 47.

² См. Т. Бардасова, Особенности говора чуваш д. Багуйлово Козловского района (на чувашском языке), «Труды научн. студ. об-ва [Чувашск. гос. пед. ин-та]», вып. 1, Чебоксары, 1957, стр. 57.

³ См. N. Poppé, *Introduction to mongolian comparative studies*, Helsinki, 1955, стр. 131.

таких случаев, как обратное превращение носового гласного в сочетание «гласный + *n*» или «гласный + *m*». Она не знает также случаев обратного превращения групп *ēi*, *ēe* в *κ'i*, *κ'e*; *f* в *bh* и т. д. Точно так же не наблюдается случаев обратного превращения в таких звукопереходах, как *z~r*; *q~x*; *j~dž*, *ž*; *s~h*; *al*, *ol~au*, *ou* и т. д.

Относительная хронология изменений звуков в подобных случаях устанавливается без особого труда. Даже не имея ни малейшего представления о предшествующем состоянии языка, историк языка может утверждать, что гот. *dags* древнее, чем др.-норв. *dagr*, турецк. *jol* древнее, чем казах. *žol*, лат. *serpo* лучше сохраняет древнее состояние по сравнению с греч. *herpo* и т. д. Наличие известной последовательности в подобного рода звуковых переходах объясняется не особенностями панхронической стратиграфии звуков в системе языка, а отсутствием точек опоры для обратного перехода; например, в соответствии *bh > ph > f* спирант *f* не может перейти обратно в *bh*, так как в нем отсутствуют элементы смычности.

Иначе приходится рассуждать, когда мы имеем дело с разнонаправленными типовыми линиями, т. е. когда развитие звука в одном направлении допускает потенциальную возможность развития этого же звука в обратном направлении. Так, например, *s* в некоторых языках может превращаться в *š* или иногда в переходную ступень между *š* и *s* — шепелявое *s*. Ср. превращение древнего *s* в *š* в марийском языке и карельских диалектах, возникновение шепелявого *s* из *s* в испанском, североосетинском, финском и т. д. Вместе с тем наблюдаются случаи возникновения *s* из более древнего *š*. Ср. в казахском языке такие слова, как *bas* «голова», татар. *baš*. Превращение древнего *š* в *s* имело место также в истории арабского языка. Разнонаправленным может быть изменение *b* в *p*; ср. чуваш. *puš* «голова» из *baš* (татар. *baš*), но коми-зырян. *bur* «хороший» (где *b* возникло из более древнего *p*), мордов. *paro* «хороший», марийск. *porə* «добрый».

Разнонаправленность звуковых изменений особенно часто проявляется в области исторических изменений гласных. Так, например, одинаково возможными являются изменения как *o* в *a*, так и *a* в *o*. Ср. изменение индоевропейского *o* в *a* в индо-иранских языках и, наоборот, изменение более древнего *a* в *o* в истории бенгальского языка. Гласный *o* может измениться в *u*; например, турецк. *jol* «путь», но татар. *jul*; турецк. *o[l]* «он», но татар. *ul*; коми-зырян. *dor* «край», но удм. *dur*; коми-зырян. *ozir* «богатый», но удм. *uzir*; однако исторически может быть и *u > o*. Ср. вульгарн. лат. *lupi* «волк», но исп. *lobo*; лат. *culmen* «вершина», но итал. *colmo* «высшая степеня»; венг. *domb* «холм» из более древнего *dumb*; венг. *oros* «русский», турецк. *urus*¹ и т. д.

Возможен переход древнего *i* краткого в *e*. Ср. лат. *minus* «меньше», но итал. *meno*; ср. также изменение первоначального *i* в *e* в туркменском языке; но *e* может также переходить в *i*. Ср. фин. *käsi* «рука» из более древнего *käte*; лат. *edo* «есть», но гот. *itan* и т. д.

Гласный *a* переднего ряда [ä] может превращаться в *e*; например: мокша-мордов. *k'äd* «рука», но эрзя-мордов. *k'ed*; мокша-мордов. *läm* «нмя», но эрзя-мордов. *l'em*. Однако есть случаи, когда *e* превращается в *ä*; например: эрзя-мордов. *κ'äd* «кожа», но мокша-мордов. *κ'ed*; эрзя-мордов. *s'elme* «глаз», но в некоторых диалектах *s'älmä*².

Относительную хронологию развития звуков в перечисленных выше случаях без знания предшествующего состояния языка или каких-либо косвенных доказательств установить довольно трудно. Но все же эти факты можно рассматривать как потенциальные возможности развития

¹ См. Bárczi Géza, Magyar hangtörténet, Budapest, 1954, стр. 30, 31.

² См. H. Raasonen, указ. соч., стр. 72, 73.

звуков. Основная причина возникновения одинаковых или сходных типов звуковых изменений заключается в сближении артикуляционных установок. Эти произносительные конвергенции в благоприятствующих условиях могут дать одинаковые результаты в самых различных языках земного шара. Они могут возникнуть в разные исторические эпохи. Здесь абсолютно нет никакой стадияльной последовательности.

А. Мейе совершенно справедливо замечает, что формулы общей эволюционной фонетики означают возможность, но не необходимость. Можно определить, каким образом должен измениться согласный, оказавшись между гласными, но из этого не следует, что он изменится¹. Материалы конкретных языков полностью подтверждают это верное наблюдение. Когда мы утверждаем, что задненёбное *q* способно превращаться в *x*, это вовсе не значит, что оно не может вообще сохраняться или способно превратиться только в *x*. В литературном турецком языке и в западном диалекте татарского языка оно превратилось в простое *k*, а в касимовском диалекте татарского языка — в гортанный смычный.

Если мы утверждаем, что сочетание, состоящее из гласного + *n* или *m*, может дать носовой гласный, — это опять-таки не означает, что данное изменение имеет абсолютный характер. В венгерском и пермских языках носовые согласные выпадали, не вызывая назализации предшествующего гласного, например: венг. *lud* «гусь», хант. *loud*, кольско-саам. *loui* «птица»; коми-зырян. *pad* «дорога»², хант. *pant* «путь», осет. *fändäg*, русск. *путь* из *pot'*. В латышском языке из древних сочетаний «гласный + *n*» или «гласный + *m*» также не развивались носовые согласные; ср. литов. *ranka* «рука», но латыш. *roka* (произн. [rūoka]). Поэтому все типы изменений звуков, происходившие в языках мира, представляют известную сумму потенциально возможных изменений звуков разной степени частотности и узуальности. Они не имеют характера обязательных законов, определяющих развитие фонетической системы языков мира.

Конечно, нельзя отрицать той большой пользы для сравнительно-исторического изучения языков, которую приносят типологические исследования, производимые в этом плане. Четкое представление о возможных путях развития звуков в разных позициях, об их однонаправленности дает возможность с большей уверенностью производить реконструкцию, но этим, собственно, и исчерпывается все их значение. Типы и формулы общих звуковых изменений, установленные лингвистами-компаративистами, отражают реальную историю конкретных языков. Универсалии и константы, установленные Р. Якобсоном, не отражают никакой конкретной истории. Они призваны иллюстрировать панхроническую схему развития звуков, созданную антинаучными методами.

Поиски типовых линий развития можно производить также в области морфологии. Так, например, давно подмечена связь между родительным падежом и аблативом или аблативными конструкциями. (Ср. историю образования родительного падежа от основ на *e/o* в литовском, латышском и славянских языках или наличие аблатива в функции генетива в пермских языках, случаи замены древнего родительного падежа аналитическими конструкциями с предлогом «от» в истории некоторых германских и романских языков и т. д.). Древний латив довольно часто используется для образования инфинитивов, особенно так называемых супинов, обозначающих цель действия. В образовании так называемых континуозных форм настоящего и прошедшего времени во всех языках почти всегда присутствует вспомогательный глагол *быть* или его заменитель. Ингрессивные

¹ См. А. Мейе, указ. соч., стр. 78.

² В сложном слове *padvez* «перекресток».

глаголы очень часто используются для образования аналитических форм будущего времени. 3-е лицо единственного числа глагола часто бывает лишено личных окончаний. Причастия настоящего времени могут служить материалом для создания форм настоящего времени и т.д. Наблюдаются также сходные типовые линии в развитии синтаксических конструкций. (Ср., например, довольно широкое распространение эргативной конструкции в самых различных языках мира.)

Типовые линии в развитии морфологической структуры, так же как и типовые линии в развитии звуков, не имеют характера непреложных законов. Например, использование аблатива для выражения родительного падежа есть лишь один из возможных путей его образования. Так называемый *n*-овый генитив в финно-угорских языках, по-видимому, произошел из прилагательного. Ср. фин. *kansan* «народа», но марийск. *užan* «умный» (т.е. «имеющий ум»; *už* «ум»). В образовании будущего времени могут участвовать не только ингессивные глаголы. Ср., например, будущее время в латинском языке типа *laudabo* «я буду хвалить», в образовании которого участвовал глагол *быть*.

При создании *present continuous* не обязательно может быть использован глагол *быть*. В казахском языке для этих целей используется глагол *žat*, буквально означающий «лежать», например *žazyр žatamyn* «я пишу в данный момент».

М. М. Гухман, ставя вопрос о применимости сопоставления сходных конструкций для реконструкции общиндоевропейского языка, выдвигает три основных положения: 1) данное явление для большинства языков должно быть узальным, 2) типологически оно должно быть более древней моделью, 3) подобные тенденции должны быть общими закономерностями развития языковой структуры¹. Необходимо заметить, что история различных языков никогда не давала и вряд ли даст положительный ответ на эти вопросы. Данное явление может быть типичным вследствие наибольшего числа случайно сложившихся конвергенций, в то же время по своей природе оно не типично, поскольку его проявление не регулируется постоянно действующим законом. Типологически оно может быть более древним по отношению к последующему состоянию, в то же время здесь нет никакой исторической последовательности, поскольку конвергенции цикличны по своей сущности, не говоря уже о том, что они не могут иметь характера абсолютной общности.

Типовые линии могут проследиваться не только в области развития звуков, форм и синтаксических конструкций. Они существуют также в области развития значения слов. Этимологические исследования показывают, например, что слова различных языков могут иногда восходить к этимону с одинаковым значением. Так, глаголы со значением «жениться» (*casarse* в испанском языке и *evlenmek* в турецком) связаны со словом «дом» (*casa* в испанском и *ev* в турецком); глагол со значением «охотиться» в финском и коми-зырянском языках связан со словом *лес*; ср. фин. *metsästää* от слова *metsä* «лес», коми-зырян. *vzravni* от *ver* «лес». Глагол «посылать» в турецком *yollamak* и в сербскохорватском *uputiti* связан со словом *путь*; ср. турецк. *yol* «путь» и сербскохорв. *put*. Глагол «понимать» в латышском и татарском языках связан со словом «ум», «разум», например латыш. *saprot*, литов. *pratas* (лат. *protas* «ум»), татар. *aqlar-ya* (аҧ «ум»). Название устья реки в казанско-татарском, болгарском и венгерском языках связано со словом «горло»; ср. татар. *tamaq*, венг. *torkolat* и болг. *гърло*.

¹ См. М. М. Г у х м а н, Индоевропейское сравнительно-историческое языковедение и типологические исследования, ВЯ, 1957, № 5, стр. 53.

Однако подобные случаи сравнительно редки. Существует такое огромное количество различных импульсов для возникновения значений и такие широкие возможности для действия всевозможных ассоциаций, что каждый язык приобретает свой путь. Типовые линии в области развития значений чрезвычайно многочисленны и, кроме того, могут устанавливаться по другим признакам. Тесные связи между современными народами нередко ведут к заимствованию различных образцов, способствуют образованию различных калек. Совершенно невозможно допустить, чтобы русск. *кран*, связанное с нем. *Kranich* «журавль», и новогреч. *κράνος* «кран», связанное со словом *κράνος* «журавль», возникли самостоятельным путем.

Гораздо большей устойчивостью отличаются типовые линии в области развития значений грамматических форм. На базе локативного значения может развиваться значение орудийного или творительного падежа; ср. наличие комитативного и орудийного значения у локатива в самодийских и обско-уйгурских языках, генетическую связь инструментального и местного падежей в финно-угорских языках и т. п.

Значение нереальности действия может превратиться в значение действия, проецируемого в план будущего; ср., например, возникновение некоторых форм будущего времени на базе форм конъюнктива в латинском языке, связь между формами сослагательного наклонения будущего времени в диалектах армянского языка и т. д. Пересказочное наклонение в целом ряде совершенно различных языков, таких, как, например, болгарский, эстонский, финский, пермские, марийский, мордовский, персидский, грузинский, возникает на базе значения перфекта. Типологическим для многих языков является превращение первоначального значения причастия в прилагательное и т. п. Суффиксы понудительных глаголов в некоторых языках приобретают значение, аналогичное значению страдательного залога в русском языке. Сходные линии в развитии значений также не имеют характера обязательных законов. Это только потенциально возможные пути развития значений. Исследование типовых линий может производиться как на материале неродственных, так и на материале родственных языков. Нам кажется, что типологические исследования, производимые в описанном выше плане, могут принести больше пользы для сравнительно-исторического языкознания.

В публикуемой в этом номере статье «Типология и сравнительно-историческое языкознание» Вяч. В. Иванов заявляет о совершенной необоснованности нашей критики, подменяющей, по его мнению, анализ доклада Р. Якобсона на конгрессе в Осло замечаниями по поводу изданной 15 лет назад книги. Эта книга, оказывается, имеет лишь косвенное отношение к содержанию доклада¹.

Считаем своим долгом заметить, что указанная статья представляет простой пересказ содержания доклада Р. Якобсона, голый декларативный перечень отдельных «достижений» в области изучения языковой типологии. Она лишена какой-либо аргументации и доказательной силы. В задачу типологических исследований должно входить не только выявление типов изменения звуков, форм, синтаксических конструкций и значений слов. Объектом этих исследований может быть также проблема степени сохранности типов языка-основы в его потомках, проблема образования новых языковых типов в результате влияния соседних языков, субстратов и т. п.

¹ См. примечание 4 к стр. 41 статьи Вяч. В. Иванова.